

# С.Я. Рубинштейн: о вкладе развития патопсихологии

*В.В. Николаева, доктор психологических наук, МГУ им. М.В.Ломоносова*

Представленный доклад был сделан на юбилейной конференции «Экспериментальные методики патопсихологии и опыт их применения» и посвящен оценке вклада С.Я.Рубинштейн в отечественную патопсихологию. Даны биографические сведения и основные вехи научной биографии. С.Я.Рубинштейн – тонкий психолог-диагност и экспериментатор, прекрасный педагог и практический клинический (медицинский) психолог. Ее вклад в развитие патопсихологической диагностики и методологии этой науки огромен. Также С.Я.Рубинштейн одна из основателей психологии аномального ребенка в Советском Союзе. Отмечено, что С.Я.Рубинштейн вместе с Б.В.Зейгарник являются создателями отечественной школы патопсихологии.

**Ключевые слова:** патопсихология, С.Я.Рубинштейн, патопсихологический эксперимент, диагностика, Б.В.Зейгарник, Московская школы психологии, психология аномального ребенка.

Уважаемые коллеги, дорогие участники конференции! Я вижу сегодня здесь, в аудитории, как это и всегда бывает, много молодых лиц. События, к которым мы обращаемся сегодня - это дела далекого прошлого; речь идет о человеке, патопсихологе, ушедшем из жизни в 1990 году, следовательно, некоторые из здесь присутствующих еще только родились в те годы, а может быть, и не родились еще. Я думаю, что среди присутствующих немного тех, кто непосредственно общался с С.Я. Рубинштейн, кто слушал её лекции; еще меньше тех, кто непосредственно работал с нею. Мне повезло: в послестуденческие годы, в течение почти 10 лет, я работала в тесном контакте и под руководством С.Я. Рубинштейн в лаборатории Б.В. Зейгарник. Это были 1960-е годы, лаборатория Московского НИИ психиатрии, тогда Минздрава РСФСР.

То, о чем сегодня я буду говорить, я думаю, многим в этой аудитории известно, но без обращения к этим, казалось бы, уже известным положениям обойтись просто невозможно, вспоминая С.Я Рубинштейн. Должна сказать, что тема этой конференции «Экспериментальные методики патопсихологии и опыт их применения» сформулирована удачно. Имя С.Я. Рубинштейн в настоящее время и известно, может быть, большинству именно по книге «Экспериментальные методики патопсихологии», которая много раз переиздавалась, начиная с 1970-х годов. Этим вкладом в психологическую практику, конечно, деятельность С.Я.Рубинштейн не ограничивается.

Все присутствующие, я думаю, знают, что становление Московской психологической школы связано с именем профессора Блюмы Вульфовны Зейгарник, но, начиная с 1940-х годов прошлого века, на протяжении нескольких десятилетий рядом с Б.В.Зейгарник стоит неизменно С.Я.Рубинштейн. Да и ушли они

из жизни практически одновременно: в 1988 году - Б.В.Зейгарник, 1990 году - С.Я.Рубинштейн. С.Я Рубинштейн - многолетний друг Б.В. Зейгарник, и об этой дружбе можно судить по некоторым фактам, некоторым наблюдениям, о которых я сейчас специально говорить не буду. Важнее то, что С.Я.Рубинштейн была многолетней соратницей Б.В. Зейгарник. Вспоминая прошлое, можно сказать, что мы наблюдали в течение многих лет своего рода феномен научного симбиоза. Когда обращаешься теперь к текстам Б.В. Зейгарник и С.Я Рубинштейн, не всегда можем точно сказать, кто из них является автором того или иного положения, кто первый высказал ту или иную идею. Сотрудничество С.Я.Рубинштейн с Б.В.Зейгарник, конечно, опиралось на их единомыслие в теоретическом, методологическом отношении, они были представителями одной научной школы, школы «Выготского – Леонтьева – Лурии». И это единомыслие выразилось и в представлении о предмете патопсихологии, и в понимании её проблем и способов их решения, и в понимании возможностей практического применения результатов исследований.

Напомню некоторые известные многим из присутствующих положения, в которых, собственно, и реализовалось их единодушие в понимании предмета патопсихологии. Вслед за Б.В.Зейгарник, патопсихология рассматривается С.Я.Рубинштейн как особая ветвь психологии, как пограничная область знаний между психологией и психиатрией. Напомню также, что предметом патопсихологии, как полагала и С.Я.Рубинштейн, является изучение психологических закономерностей и механизмов нарушения психики у больных с различными формами психической патологии. В рамках этого подхода патопсихология как область психологии опирается на понимание закономерностей развития и функционирования психики в норме, использует понятийный аппарат общей психологии для квалификации нарушений психики, следует логике общепсихологического анализа при оценке нарушений психики. В рамках этого же подхода, опирающегося на работы школы «Выготского – Леонтьева – Лурии», выделены определенные этапы психологического анализа. Во-первых, это выделение в клинической картине заболевания психологических, т.е. культурно детерминированных феноменов нарушения психики. Во-вторых, это изучение психологических механизмов их возникновения. И, в третьих, это раскрытие основных закономерностей функционирования. С.Я.Рубинштейн неоднократно отмечала, что только после психологической квалификации клинических явлений в понятиях современной психологии возникает возможность анализа их генеза и механизмов функционирования.

Напомню еще одно методологическое положение, которому придавалось большое значение в работах школы Зейгарник и, следовательно, в работах С.Я.Рубинштейн: основные, именно основные, психологические закономерности развития и функционирования психики в условиях болезни те же самые, что и в норме. Однако они реализуются в искаженной форме в силу ряда причин: во-первых, в связи с изменением биологических условий функционирования психики при патологии мозга; во-вторых, вследствие особых, ограниченных болезнью, т.е. узких рамок жизнедеятельности больных. Эти общие методологические положения нашли в развернутом виде отражение в статье С.Я.Рубинштейн, которая называется так: «О причинности психопатологических явлений». Я позволю себе привести довольно длинную цитату из этой работы: «Болезнь повреждает нервную систему, её структуру, высшую нервную деятельность. Человек, обладающий такой поврежденной нервной системой, продолжает жить, он пытается познать

окружающую действительность, действовать, общаться с другими людьми; в процессе этой жизнедеятельности больного и формируются психопатологические явления. ...Из ставшего для нас азбучным положения, что вся психическая жизнь является деятельностью мозга, вовсе не следуют, что причины психического нужно искать в мозгу, это неверно ни для нормы, ни для патологии. Различные нарушения психики проявляют себя не как непосредственный продукт больного мозга, а в собственной активности больных, т.е. при соприкосновении больного человека с требованиями действительности».

Опираясь на сформулированные методологические положения, С.Я.Рубинштейн выдвигает тезис о возможности (и даже обязательности) использования экспериментального метода для изучения сложных психопатологических явлений. Одна из её работ так и называется: «Использование экспериментального метода для изучения психопатологических явлений». Замечу, что в данном контексте речь идет не о нарушении отдельных, функций: памяти, мышления и т.д. Речь идет о сложных психопатологических новообразованиях, таких как галлюцинации, бред и т.д. Сусанна Яковлевна отмечает, что именно эксперимент в патопсихологии есть основной способ исследования механизмов нарушения психики, позволяющий ответить на вопрос о том, как разрушилась нормальная психическая деятельность и чем она отличается от нормы. С.Я.Рубинштейн, мы видим это из её работ, намечает несколько реальных путей экспериментального психологического изучения психопатологических явлений. Таких путей она называет три:

1. Варьирование условий, которые могут усилить или ослабить психопатологическое явление, т.е. варьирование ситуаций, в которых наблюдается больной.

2. Варьирование деятельности больного, например, по способам предъявления ему задач различного типа.

3. Искусственное варьирование состояния больного посредством специальных, не имеющих терапевтических целей однократных лекарственных воздействий.

Таким образом, опираясь на общепсихологические представления о сущности психического, С.Я.Рубинштейн одной из первых в отечественной патопсихологии (нельзя в этой связи не вспомнить работы школы Бехтерева) выдвигает в качестве важнейшей проблему, требующую именно психологического изучения: исследование механизмов возникновения сложных психопатологических явлений. Более того, она формулирует методологические принципы подобного исследования, разрабатывает конкретные экспериментальные приемы, методики и проводит несколько циклов исследований, результатами которых явилась эмпирические доказательства ряда важных теоретических положений отечественной патопсихологии.

Надо сказать, что С.Я.Рубинштейн как психолога, как исследователя характеризует такая черта, как умение поставить проблему, найти тот аспект исследования, который доступен изучению на данном этапе развития наших знаний. Мне кажется, что работы, к которым я обращаюсь, являются одним из примеров

такого успешного выбора аспекта исследования. Я имею в виду одно из наиболее крупных из завершенных С.Я. Рубинштейн исследований – работу, направленную на изучение психологических механизмов симптомообразования на клинической модели обманов слуха, т.е. слуховых галлюцинаций у больных с различными психическими заболеваниями. Работа эта известна специалистам очень хорошо, я не буду подробно её излагать, остановлюсь только на кратком комментарии. Опираясь на обширные литературные данные относительно клиники и патофизиологии обманов слуха, а также возможности появления галлюцинаторных переживаний у психически здоровых людей в особых условиях (изоляции и т.д.), С.Я.Рубинштейн формулирует собственную гипотезу исследования, которая в кратком варианте может быть представлена следующим образом: истинная галлюцинация не есть восприятие без объекта, а именно такое определение мы находим в психиатрии. Галлюцинация является искаженным восприятием слабого, может быть, подпорогового раздражителя и в этом смысле принципиально не отличается от иллюзий восприятия. (Мы видим, что здесь Сусанна Яковлевна продолжает традицию тех исследований галлюцинаций, которые были начаты В.М.Бехтеревым). В патогенезе слуховых галлюцинаций важную роль играет собственная эмоционально насыщенная активность пациента, направленная на поиск сенсорной информации или, как это называет С.Я. Рубинштейн, тревожное прислушивание к звукам, особенно, плохо различимым. Напомню, что в соответствии с задачами работы пациенты помещались в звукоизолированную комнату, куда транслировались слабые звуковые сигналы различного типа, и испытуемым давалась установка на прислушивание и опознание предметного источника звука. Основным результатом – появление в этих экспериментальных условиях обманов слуха, т.е. истинных слуховых галлюцинаций у больных с различными заболеваниями, переживших в прошлом галлюцинаторные эпизоды, и отсутствие в этой экспериментальной ситуации галлюцинаций у здоровых испытуемых. При этом, что характерно, на начальных этапах заболевания, (прежде всего, конечно, у больных шизофренией) эксперимент провоцировал лишь искажения реального звукового раздражителя, на более поздних – фиксированный в опыте болезни галлюцинаторный образ. Данный факт позволил сделать вывод о том, какое влияние оказывает опыт (в частности, галлюцинаторный) больных на содержание галлюцинаций, их интенсивность, эмоциональную насыщенность, связанную с самим характером опыта восприятий в прошлом. Качество галлюцинаций связано с жизненным личностным опытом пациентов, а так же с особенностями ситуаций болезни в целом.

С.Я.Рубинштейн по итогам этого эксперимента делает также вывод (на мой взгляд, важный в теоретическом отношении) о том, что слуховые обманы возникают именно как результат собственной сложной активности самого пациента. Сусанна Яковлевна также предполагает на основании этого эксперимента, что подобным образом могут быть исследованы в специально организованном эксперименте другие сложные психопатологические явления и говорит она об этом так: «Гипотезу о роли активности больного человека правомерно отнести ко многим иным психопатологическим явлениям. Мне кажется, что здесь мы видим проблему, которая существует и до настоящего времени, поскольку поиск психологических механизмов симптомогенеза, в особенности, когда речь идет о сложных психопатологических нарушениях, поиск этих механизмов остается проблемой важной и в настоящее время одной, на мой взгляд, из сложных актуальных

проблем». Меня удивляет только то, что при таком количестве психологов, которые воспитаны разными университетами, к настоящему времени проблема изучения психологических механизмов появления сложных психопатологических явлений не привлекает внимание молодых специалистов. Понятно, что проблема сложная, но, на мой взгляд, есть современные технические возможности организации эксперимента, которые позволят получить новые экспериментальные факты или выдвинуть новые гипотезы. Я и думаю, сама С.Я.Рубинштейн не считала, что её исследования слуховых галлюцинаций разрешает проблему природы галлюцинаций в целом; я так же не считаю, что её работа, посвящённая обманам слуха, разрешает проблему генеза этих сложных нарушений. Конечно, проблема изучения механизмов остается, то же самое могу сказать о проблеме бреда, нарушений сознания и т.д.

Остановлюсь очень коротко еще на одной проблеме, которой посвящён отдельный цикл исследований Рубинштейн – это соотношение распада и развития психики. Проблема эта старая, поставленная еще в середине 30-х годов Л.С.Выготским. Проблема, которая является одной из традиционных и для современной патопсихологии; ее актуальность, на мой взгляд, не вполне угасла хотя бы потому, что в содержании запросов, которые исходят от клиницистов, например, в условиях экспертизы, мы до сих пор слышим формулировки такого рода: «Ответьте, пожалуйста, какому более раннему онтогенетическому периоду соответствует состояние психики, скажем, больного, проходящего экспертизу». Я специально несколько утрированно сформулировала этот вопрос. Главное – эта проблема, до сих пор существует.

Для эмпирического доказательства положения о том, что распад психики не есть негатив её развития, С.Я.Рубинштейн обратилась к изучению распада навыков и практических умений у психически больных позднего возраста. Выбор данного аспекта исследования опять не случаен. С одной стороны, в общей и возрастной психологии хорошо представлено описание закономерностей становления и формирования навыков в онтогенезе, с другой стороны, в клинических и нейрофизиологических исследованиях накоплен богатый материал о нарушениях навыков при локальных поражениях мозга. При психических заболеваниях позднего возраста (сосудистых, атрофических и т.д.) многие нарушения навыков возникают вследствие общемозгового поражения; как правило, у этих больных наряду с распадом сложных навыков письма, чтения, счета обнаруживается утрата навыков и бытового самообслуживания, умения выполнять простейшие практические действия на фоне интеллектуального снижения, падения умственной работоспособности, изменений личности и т.д. В работе Рубинштейн обширная выборка больных старшего возраста была исследована с помощью простейших диагностических приемов. Кроме изучения письма, чтения, счета больным, предлагалось, например, зашнуровать ботинок, открыть ключом замок, положить лист бумаги в конверт, разрезать ножницами лист бумаги и т.д. Т.е. выполнить простейшие бытовые действия. Выявлено, что в основе нарушений привычных действий у этих больных лежат различные факторы. Так, при сосудистой патологии мозга на первый план выходит, как отмечает С.Я. Рубинштейн, грубое изменение динамики, резкое колебание тонуса психической активности и уменьшение количества одновременно учитываемых раздражителей. В этом случае нарушения сочетаются с многочисленными компенсаторными действиями больного, направленными на маскирование собственной несостоятельности. Например, повышение самоконтроля при выполнении привычных действий сопровождается не

только замедлением темпа их выполнения, но и дезавтоматизацией всего процесса с выпадением отдельных звеньев или их искажением. Таким образом, возникает сложная мозаичная картина нарушений за счет включения в неё вторичных, психологических по генезу вследствие неуспешной компенсации-нарушений, привычных действий и сложных навыков.

Иная картина описана С.Я.Рубинштейн при атрофических заболеваниях мозга, в частности, при болезни Альцгеймера. Было показано, что наблюдается постепенное, грубое разрушение как сложных, так и простых умений с утратой прошлого опыта, прежде всего, вследствие грубой патологии памяти и интеллекта без заметных компенсаторных образований. Однако и в этом случае у ряда пациентов выявляется островки сохранных, сформированных в преморбиде действий и навыков. Скажем, навыков, которые актуализируются в полном соответствии с характером ситуации. Например, больной, который не может даже застегнуть пуговицу вследствие грубого нарушения привычных действий, всегда встает при входе в кабинет женщины; пытается, опередив её, поднять уроненный ею карандаш и т.д. Т.е. сохраняет сложные социальные навыки поведения на фоне распада более простых. Подобного рода факты показывают, что даже при грубом органическом поражении мозга с картиной развивающейся деменции происходит не простое сокращение, уменьшение психических возможностей, но возникает каждый раз особая, сложная структура психической жизни, качественно иная, чем у ребенка на ранних этапах онтогенеза.

Круг научных интересов С.Я.Рубинштейн в патопсихологии широк, тематика её работ разнообразна. Я обозначу тезисно еще некоторые темы исследований, выполненных С.Я.Рубинштейн.

Например, применение однократных фармакологических проб для изучения динамики психопатологической симптоматики и уточнения прогноза последующей фармакотерапии. С.Я.Рубинштейн нигде в своих опубликованных работах специально не высказывала мысль о том, как важно изучение больных, проходящих фармакотерапию, на разных этапах при применении разных препаратов. Но в устных беседах, в тех дискуссиях, которые проходили в свое время в лаборатории Б.В.Зейгарник, отчетливо звучала её мысль о том, что современная фармакология открывает новые возможности экспериментального изучения нарушений психики, поскольку при применении разных препаратов появляется возможность «расщепить» синдром. То есть, выявить те нарушения, которые являются стабильными, стержневыми, и те из них, которые не носят стойкого характера, преходящие. Следовательно, можно в таком случае ставить вопрос о том, почему одни стабильные, а другие носят динамический характер. Мне кажется, это тоже проблема, которая открывает хорошие исследовательские перспективы и для современных специалистов в сфере экспериментального изучения нарушений психики с использованием возможностей современной психофармакологии.

Работы Сусанны Яковлевны посвящены психологическому обоснованию учебных и трудовых рекомендаций больным в контексте организации реабилитационной работы с ними; проблеме внутренней картины болезни. Эта тема широко обсуждается в последние десятилетия в нашей отечественной практике, в литературе как психиатрической, так и психологической. Специалисты разного профиля занимаются изучением внутренней, т.е. субъективной, самим больным

созданной картиной болезни. Имеются разные гипотезы о том, что это за феномен. Но напомним, что после работы Р.А.Лурия, отца А.Р.Лурия, опубликованной в середине 30-х годов, «Внутренняя картина болезни и иатрогенные заболевания», до конца 1960-х годов, в сущности, никто не вспоминал о существовании этого феномена. И именно С.Я.Рубинштейн возвратила его в практику, сформулировала научную исследовательскую проблему патопсихологии и шире – клинической психологии в целом. А это тоже особенность С.Я.Рубинштейн – находить, «выкапывать» проблемы, которые становятся актуальными на определенном этапе развития нашего знания.

Я назову еще одну проблему: разработка и апробация новых психодиагностических методик, что, собственно, важно в контексте темы данной конференции. Напомню всем, что Сусанна Яковлевна создала ряд новых методик, а также модификаций уже известных диагностических процедур. Например, методика самооценки Дембо-Рубинштейн. Я могу сказать, что была свидетелем того, как эта методика зарождалась в 1966 году, после московского международного психологического конгресса, на который приезжали многие крупные зарубежные психологи, в том числе Тамара Дембо. Тамара Дембо была соученицей Б.В.Зейгарник у К.Левина в Берлине. Она общалась с Блюмой Вульфовой, приходила в лабораторию Зейгарник, и именно она демонстрировала свой прием шкалирования самооценки. Этим приемом она пользовалась при работе с больными, получившими травмы во время Второй мировой войны. Этот прием был заимствован лабораторией Б.В.Зейгарник, модифицирован С.Я.Рубинштейн, и на сегодняшний день мы имеем много модификаций с качественной и количественной обработкой результатов. Могу назвать такие методики, как выбор ценностей, методика зрительно-моторной координации. Описание этих методик вы найдете в пособии Рубинштейн «Экспериментальные методики патопсихологии».

И, наконец, мне хотелось бы сказать о том, как значителен вклад С.Я.Рубинштейн в создание особого рода диагностической процедуры, получившей название «патопсихологический эксперимент». Понятно, что речь идет в этом случае об эксперименте особого рода, отличительной особенностью которого является включение экспериментатора (психолога, диагноста), его личности, его оценок в качестве важнейшего фактора воздействия на пациента с целью стимуляции его к деятельности, актуализации эмоционального опыта пациента, эмоционального ответа, критического отношения. Такую диагностическую процедуру можно назвать моделирующим экспериментом: воспроизводящим реальный пласт жизни, отношений, позволяющим воспроизводить реальные жизненные ситуации в общении пациента с диагностом, более того, позволяющим актуализировать умственный и личностный потенциал больного, его скрытые возможности, способность к сотрудничеству, компенсаторные ресурсы. Должна сказать, что сама Сусанна Яковлевна владела этим диагностическим инструментом виртуозно и многие поколения психологов обучила этому типу психодиагностики.

Несколько слов о том, насколько важна роль С.Я. Рубинштейн в оформлении, в организационном становлении патопсихологии. В те годы, годы возвращения психологии в жизнь, в практику, требовалось очень много усилий для того, чтобы, так сказать, завоевать место под солнцем. Именно тогда при активном участии С.Я.Рубинштейн в контакте с нашими ленинградскими коллегами были изданы первые методические письма, первые рекомендации, адресованные медицине,

относительно того, что такое медицинский психолог, как он должен работать, какая нагрузка должна быть ему рекомендована, какими правами он обладает. Первые попытки юридического, организационного оформления психологической практики зародились в патопсихологии при активном участии С.Я.Рубинштейн.

Я могу назвать еще одну область психологии, в которой развитие практической службы активно проходило в те же годы: это инженерная психология, а позже, в 70-90 гг., мы увидели развертывание схемы психологических служб. Что касается личности С.Я. Рубинштейн, наверное, я скажу об этом в мемуарной части конференции. Желаю успеха участникам конференции. Спасибо.

Уважаемые коллеги, хочу сказать о личности С.Я.Рубинштейн. Здесь уже много было сказано о Сусанне Яковлевне, хотя на самом деле мы все знаем о ней очень мало. Это были люди, я имею в виду Сусанну Яковлевну и Блюму Вульфовну, того поколения, представители которого не любили делиться воспоминаниями. Вспомним, в какие годы им пришлось жить. То, что Сусанна Яковлевна оставила какой-то мемуарный труд, о котором здесь говорила Алла Борисовна, удивительно, потому что люди этого поколения в массе своей были подготовлены жизнью к тому, что мемуары, письма и т.д. оставлять не надо. Поэтому, несмотря на многолетнее общение с Сусанной Яковлевной, много ли я могу сказать о ней? И эта маленькая квартирка, в которой я тоже бывала. И эта абсолютная безбытность, абсолютная – на протяжении всей жизни. Я хочу сделать несколько замечаний и выразить некоторое несогласие с теми суждениями, которые здесь прозвучали в устах моих коллег относительно Сусанны Яковлевны, её характера. Ну, прежде всего, в отношении формулы «Сусанна Яковлевна – солдат». Не могу с этим согласиться. Солдат – это служба. Сусанна Яковлевна, её деятельность, научная, практическая – Служение. А это качественно иная психологическая характеристика деятельности. Служение выражалось в отношении, прежде всего, к делу, которое она любила, а она любила патопсихологию. Здесь уже звучала мысль, что Сусанна Яковлевна «кого любила, того любила». Она любила тех, кто любил патопсихологию. И для неё это был едва ли не единственный надежный критерий: верность делу, которое избрал. И это не было натужно, не было позой, это было истинной ценностью для неё.

Затем служение в дружбе. Здесь уже говорилось о том, что она была дружна с Блюмой Вульфовой многие годы, с 1930-х годов. Когда муж Блюмы Вульфовой был арестован, она оказалась в невероятно тягостном положении с маленьким ребенком на руках и в ожидании другого ребенка. Кто ходил на Лубянку с тем, чтобы узнать, как обстоит дело? Сусанна Яковлевна Рубинштейн. И даже те, для кого это время – далекое прошлое, конечно, представляют себе, что это был за поступок. Это поступок служения, и это служение было на протяжении всей жизни. Даже те два года которые Сусанна Яковлевна прожила после смерти Блюмы Вульфовой это было служение памяти друга, и мы все были свидетелями (те, кто знал и общался) этого служения. Я вспоминаю одну из последних встреч с Сусанной Яковлевной, по-видимому, в первый период её последней болезни. Чем она была озабочена? Кто возьмет в свои руки дело патопсихологии! Кто продолжит? И этот вопрос встал именно потому, что все мы (я имею в виду Бориса Сергеевича Братуся, Елену Теодоровну Соколову) были выращены в лаборатории патопсихологии, но все, так сказать, «разлетелись», каждый обрел свой интерес профессиональный. Кто-то «ушел» в психотерапию, кто-то в общую психологию, как Борис Сергеевич. У каждого



было свое дело, своя проблема, и незадолго до смерти Сусанну Яковлевну волновало, как будет обстоять дело, что ждет патопсихологию.

О бескомпромиссности Сусанны Яковлевны. Она была бескомпромиссной, она была трудным человеком, и мы все в разные периоды испытывали на себе тяжесть её характера и ссорились с ней; Блюма Вульфовна Зейгарник нас как-то мирила. Я помню, был какой-то эпизод, юбилей, по-моему, Сусанны Яковлевны, 70 лет, я и кто-то из моих коллег, вышедших из лаборатории Блюмы Вульфовны, сказал: «Нет, мы на юбилей не пойдём!». Блюма Вульфовна горько так посмотрела на меня и сказала: «Ну, вы не знаете Сусанну Яковлевну, она хороший человек и замечательный друг, а от своего характера она сама в первую очередь страдает».

О том, что хороший человек, несколько слов. Скольких людей она выучила, как здесь уже говорилось. Она приглашала в лабораторию или к себе домой, учила «из рук в руки» основам патопсихологической диагностики, с любовью, но строго. Скольких человек она устроила на работу в медицине – я думаю, что пальцев двух рук не хватит, чтобы перечислить. И это делалось строго, последовательно, ответственно, с соответствующими наставлениями, что нужно быть преданными делу, служить своему делу.

Сусанна Яковлевна была человеком эмоциональным, страстным – отсюда её бескомпромиссность. Насчет ее отношения к психометрике я позволю себе тоже несколько комментариев. Не измерения как таковые, не против них выступала Сусанна Яковлевна Рубинштейн, а в защиту тезиса (и это она подчеркивала и в ряде работ, и в устных беседах, и я сегодня уже об этом упоминала и повторю еще раз): считать можно, но нужно знать, что считаем. Только первоначально выполнив качественную психологическую работу, соотнеся феномен патологический с общепсихологическим, встроив его в современную психологическую конструкцию, можно считать.

Итак, жизнь Сусанны Яковлевны – Служение: делу, профессии, дружбе. Много ли мы знаем таких людей?

# S.J. Rubinstein: the contribution of the development of pathopsychology

*V.V. Nikolayeva, Professor, Lomonosov Moscow State University*

---

Presented report was made on the anniversary conference, "Experimental methods of pathopsychology and the experience their application" and is devoted to assessing the contribution of S.Ya.Rubinshteyn into Soviet and Russian pathopsychology. Biographical information and milestones of scientific biography are given in the article. S.Ya.Rubinshteyn was an outstanding psychologist-diagnostician and an experimenter, a wonderful teacher and a clinical (medical) psychologist. Her contribution to the development of diagnostics and pathopsychological methodology of this science is enormous. Also S.Ya.Rubinshteyn was one of the founders of Abnormal Child Psychology in the Soviet Union. It is noted that S.Ya.Rubinshteyn and B.V.Zeygarnik are the creators of the national school of pathopsychology.

**Keywords:** pathopsychology, S.Ya.Rubinshteyn, pathopsychological experiment, diagnostics, B.V.Zeygarnik, the Moscow school of psychology, psychology of Abnormal Child.

---